Александр ЛЕОНИДОВ (Филиппов)

Быль об Иване-дураке

Сатирическая проза

Солдат Збройных Сил Украины, Иван с утраченной фамилией, никогда не задумывался над тем, что слово «зброя-сбруя» куда уместнее по отношению к вьючному скоту, нежели к людям. Он никогда не задумывался, кто и зачем надел на него сбрую, вставив в зубы удила, потому что вообще ни о чём не задумывался.

– Как зовут?

– Иван…

– Как фамилия?

– Не помню…

Что-то это напоминает, вроде, выражение такое было – «Иван, родства не помнящий», но где и у кого? Мысли у Ивана, запряжённого в сбрую, были коротенькие, служебные, как у зверька, то ли охотящегося, то ли пойманного… Впрочем, велика ли разница? Разве мысли зверька меняются от того, поймали его или охотиться отпустили?

Один только раз что-то всполошилось в тёмной и разорванной изнутри в клочья голове Ивана-родства-не-помнящего, когда среди сослуживцев прошёл мрачноватый слух: американские инструктора потрошат раненых, уже неспособных

носить сбрую. Мысль о том, что вослед утраченной от русни руке или ноге ещё и свои же вырежут тебе сердце, – показалась Ивану нестерпимой.

Но шерфюрер из числа бандеровских политработников попался толковый. Он хорошо понимал, как деморализуют массу под сбруей такого рода слухи, несомненно, запускаемые московской пропагандой. И не только на словах объяснил всю вздорность кровавого навета москалей, но и водил группками в лазаретную палатку, показать, что делают американские санинструкторы. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать!

Трупы Иванов-родства-не-помнящих, действительно, вскрывались, как положено по уставу, опытными европейскими

патологоанатомами. Но никаких сердец трансплантологии не вынимали – потому что, воочию убедился Иван без фамилии, и особенно без отчества (поминать отцов – гнусная московская затея, она мешает смотреть вперёд), – никаких сердец в груди носящих гужевую сбрую не было.

Когда грудинку взрезали циркулярным диском, то в том месте, где религиозные мракобесы полагают сердце, – обнаруживался кровавый и мятый ком мелких долларовых купюр. Как будто бы белка трамбовала в дупло эти бумажечки, всячески прессуя их, чтобы побольше влезло.

Патологоанатомы из Европы вынимали этот пропитанный кровью макулатурный кокон, осторожно размачивали его в оцинкованных тазиках, похожих на цинковые солдатские гробы, стирали следы крови и развешивали купюры на бельевых верёвках: сушить отмытые деньги.

– Вот видишь! – сказал Ивану шерфюрер. – Никаких сердец никто никому не вырезает, это всё московская брехня…

Говорить бандеровцу приходилось по-русски, потому что мову большинство солдат в части не понимало. Москали брехали, что мовы эти сбруйные солдатики никогда не знали. На самом же деле, как учат из центра, солдатики мову знали, но забыли, как и свои фамилии, и потому нужно просто восстановить утраченный навык. Имеется в виду мовнястый. Что касается фамилий – то, видимо, придётся выдумывать новые, старые они уже не вспомнят, да и не нужно. Все они – дети, умом дети, и в том смысле дети, что лучше им не вспоминать своих отцов. Память от отцах и особенно дедах могла сильно помешать делу европеизации этой несмышлёной, пластичной, покорной в руках хирурга-вивисектора биомассы…

* * *

Так и получилось, что Иван-солдат, без фамилии и тем более отчества, – никогда и ни о чём не думал. Вместо мыслей к нему стали приходить сны, потому что природа ведь не терпит пустоты, в том числе и в голове…

Ивану-дураку снилось, что когда-то, и вроде бы недавно, ему сулили изобилие всяческих «материальных благ» и свободу. Вроде бы потому он и согласился тогда надеть на себя эту конскую «зброю», и принять «таблетку храбрости» от доброглазого, лучащегося теплом и радиоактивной зыбью английского «консультанта»…

Потом почему-то и куда-то пропали и изобилие, и свобода. Вместе с памятью и логикой. Остались в голове только беспамятливость и покорность гужевого скота, собачья ликующая преданность хозяевам, вертящая копчиком при каждом их появлении:

– Хозяин! Охота? Да-да! Гулять? О да, да, гулять, хозяин!

Иван во сне понимал, что в новом его положении про изобилие или свободу смешно уже и думать, но счастье его, что думать он уже и не умел. У пса есть миска и есть палка, и чуткое ожидание команд, а больше псу ничего и не нужно…

Правда, если пёс двуногий – то ему иногда ещё хочется курить. И курить дают. Не звери ведь те, кто зверей дрессирует, – понимают, что за хлыстом и сахарок потребен…

Чаще всего Иван-солдат курил американские дешёвые сигареты по ленд-лизу. Но один раз ему перепали «трофейные», от русни. Казалось бы, ничего особенного, но немного удивила Ивана специфическая початость пачки…

Это ведь он, Иван, смолоду так делает… Он, когда пачку сигарет открывает, фольгу упаковочную надрывает спереди, а сзади козырьком оставляет… Причуда такая… И вот, получается, какой-то русский солдат тоже так же вот надорвал фольгу…

Закурил солдат Иван, и вместе с дымом стало проникать в него что-то тревожное, ненужное, что-то трепещущее в чугунном, литом, неподвижном мозгу неким жизненным трепетом…

«Не нравится мне этот мужик! – осознал вдруг Иван, сделав несколько глубоких затяжек трофейными сигаретами русни. – А чем – понять не могу… Но не нравится…».

Мысль соплёй тянулась, шла вовсе не о верховном, так умело совмещавшим образы фюрера и клоуна, и не о генералах, и не об офицерах… Мысль шла об одном из расстрелянных «сепаров», которых Иван вместе с другими, затянутыми в сбрую, недавно положил возле черёмухового оврага…

Обычно захваченных збройными силами убивали долго и мучительно, но этим повезло: армия Украины торопилась, и кончила их всех без долгих прелюдий, дедовским гуманным способом: вывели и очередями покрошили. И никаких тебе вырванных ногтей, ставших уже традицией бандеровской армии, никаких отрезанных ушей… Только маленькое пулевое отверстие, вот и вся мука…

Ивану совершенно безразличны были и женщины, и дети, попавшие в тот замес. Его нисколько не трогал встающий в разорванной лоскутной памяти образ белобородого старика лет восьмидесяти, перед расстрелом грозившего своей клюкой…

Всё это было привычно, понятно и обыденно – будни людей под сбруей, совершенно проходные эпизоды… Но один мужик, ничем не примечательный, средних лет, – никак не отпускал от себя Иванову память!

«Надо пойти и посмотреть! – решил для себя человек в конской зброе. – А то так и будет потом сниться… Надо посмотреть и понять – чего в этом мужике особенного мне глянулось».

– Эй, Стёпан, а где вчерашние жмурики?

– Да вон, под брезентом, штабелями лежат… Надо бы закопать, да хлорки ещё не привезли…

Солдат сбруйных сил Иван не поленился залезть под брезент к околевшей поленнице трупов, и почти сразу среди сизой, кисло-сладко вонючей укладки отыскал беспокоившего его остаточную память мужика…

– Блин! – сказал Иван на чистейшем русском языке. – Да это же я!

Он стал мучительно вспоминать – не имел ли в детстве брата-близнеца? Вроде бы нет, но после этих «таблеток свободы» ни о чём нельзя говорить уверенно…

Перед ним лежал, нелепо закинув голову, затвердев, как и положено трупу, всеми тканями, – его брат-близнец. Однояйцевый.

– Как же я сразу не заметил? – недоумевал збройный Иван. – Надо меньше этой дури глотать, с неё, конечно, гарно живётся, но память, блин, ни к чёрту стала… Видно, – пояснил Иван сам себе, – у меня был брат-близнец, который ушёл к сепарам… И был за это расстрелян… Причём, получается, мной… А как ещё объяснить сходство – моё и этого жмурика?!

– А ты пошарь у него в карманах! – посоветовали трофейные сигареты из пачки. – Вдруг документы остались! Сам же видел, как торопились твои начальники, может, не всех обшмонали…

Вняв этому разумному совету, Иван пошарил в карманах трупа, и во внутреннем отыскал… паспорт! Да, почти целый, только с угла пулей пробитый и кровью заплывший, однако ж вполне читаемый!

– Если у меня был брат-близнец, – нервно уговаривал себя Иван, – то у него непременно другое имя! Не могли же папа с мамой двух близнецов назвать одинаковыми именами! Если это мой брат-близнец, то его никак не могут звать…

– …Иван! – возразил документ, когда Иван сумел расцепить уже подсохшие, склеенные спекшейся кровью странички паспорта. – Иван Васильевич Москаленко…

– Господи, да это… Да это же… я! Вспомнил, вспомнил… Папу звали Васей, он был корабелом в русском портовом городе Николаеве… Строил суда… А меня Иваном… Как же? Как же такое может быть?! Я ж всё вижу и слышу, и вот чувствую пальцем – значит, не мёртвый я?! Или я – не я?

Имелось у Ивана маленькое зеркальце для бритья. Достал он это зеркальце и сверил физиономии: «Может, кого из нас двоих подменили?».

Нет, как на грех: что тот, мертвец, что этот, живой, – строго на одно лицо. Близнецы. Однояйцевые. Так бывает. Да, бывает – родятся два мальчика, с интервалом в несколько минут, и одного от другого родная мать не отличит…

Да только не бывает у близнецов одинаковых имён…

Не может быть этот мертвец Иваном – если ты сам Иван?

– Или я не Иван? – недоумённо спросил вслух у брезента вспомнивший свою фамилию Москаленко.

– Иван ты, Иван! – добродушно и успокаивающе ответил солдату чужой голос.

Оглянувшись, Москаленко из русского города Николаева увидел незаметно подкравшегося со спины бандеровского политработника, улыбчивую гиену, слюняво балдеющую от трупного аромата…

– Я – Иван?

– Иван.

– А он?

– Иван.

– И оба Москаленки?

– Оба.

– А как же…

– Послушай, дурачок… – ласково ворковал на чуждом ему языке бандеровский политрук. – Разумеется, ты убил самого себя! Почему тебя это удивляет?

– Но я же… говорю, хожу, стреляю… А получается, я… сам себя… вот… И труп передо мной, как же он передо мной, если он я?

– Слушай дурак, всему есть предел, и непониманию тоже! Задай себе простой вопрос: как бы ты мог резать русню, если бы сперва не убил самого себя?! Ты, Иван Васильевич из города Николаева…

– Миколаева, – поправил Иван.

– А давно ли он стал Миколаевым? Разве в твоём детстве он был Миколаевым?! Для того, чтобы убивать русню, – тебе пришлось вначале убить себя, и в этом нет ничего удивительного, Иван! Было бы удивительно, если бы ты делал то, что ты делаешь, – не убив себя… Вот это действительно вызвало бы изумление умных людей! Но твой собственный труп от твоей же пули – вот он, перед тобой, так что никто изумляться ничему не будет… Ну, я имею в виду – из числа умных людей! Дурака-то можно и пальцем удивить!

Бандеровец показал Ивану палец.

Увидев одинокий указательный палец, торчащий из волосатого галицийского кулака, Иван Москаленко стал неудержимо хохотать, впав в окончательный и безысходный восторг.

И смеялся он, пока его не начало спазматически рвать зелёной блевотиной. Воняющей трупным ядом – неизбежно накапливающемся в мертвецах, даже если они ходячие.

А армия мертвецов в зброе-сбруе вьючного скота – двигалась дальше, намереваясь истребить всё, что ни есть на свете живого…

18.09.2022

Обещание

Алексей ШУПИКОВ

Рассказ

Когда мне было одиннадцать лет, родители продали квартиру и купили дом. Скажу сразу, что к частным домам у меня тогда сердце совсем не лежало. И, в отличие от нашего многоквартирного, они казались маленькими и совсем ненадежными.

Что касается самого дома, то был он деревянный, выкрашенный ярко-зеленой краской, и находился на самой окраине города. «Под горкой» – как говорили знакомые родителей. И это правда, он действительно был под горкой, причем стоял на очень крутом повороте.

Так вот, когда его купили, прежние хозяева, старуха с дочерью, не успели загрузить все свое добро. «Нехай полежит пока, – стучала палкой по транспортеру старуха. – А осенью, край зимой, заберем».

Транспортер или транспортерная лента была ходовым материалом в наших краях (как правило, им огораживали приусадебные участки). «Осенью, край зимой», – как заклинание повторяла она, жалобно поглядывая то на отца, то на транспортер. Отец одобрительно кивал головой: «Есть не просит, пусть лежит». На том и договорились.

Старуха уехала, крикнув в последний раз: «Осенью, край зимой!». А мы уже через пару дней переехали в собственный дом.

Летние каникулы, как это обычно бывает, незаметно пролетели и начались школьные будни.

Как-то раз мы с моим другом Саней подпалили траву за домом. Сухое былье полыхнуло не хуже пороха, и уже через пару минут пламя перекинулось на деревянный забор. Закончилось все тем, что соседка Петровна вызвала пожарных. К счастью, расчет приехал быстро, и пожару не позволили разгуляться. «Вот поймать бы этих поджигателей! – ругался усатый пожарный. – Шли бы к своим домам и подпаливали на доброе здоровье!». Мы же молчали и лишь переглядывались друг с другом. В тот вечер меня пороли ремнем, да так, что я до сих пор помню все в мельчайших подробностях. Кстати, отец после этого все чаще и чаще начал заглядываться на скрученную у сарая транспортерную ленту.

Однажды я проснулся оттого, что на кухне спорили родители.

– Петр, ну ты же ей обещал!

– Обещал-обещал! Мало ли чего я обещал!.. Она тоже обещала – осенью!

– Она говорила «осенью или зимой».

– Так вот она, осень твоя!

– Ну, значит, зимой!

– До зимы, знаешь…

– Что?!

– Да ничего… Мы и так все деньги вбухали в этот дом. А я между прочим не Рокфеллер, у меня на новый забор денег нет!

– Петь, ты слово дал!

Отец выругался и, громко хлопнув дверью, вышел, а я в буквальном смысле выдохнул. Мне совсем не хотелось расстраивать старуху. Тем более что она и так не хотела продавать дом, а тут еще и транспортер этот.

Так он пролежал осень, зимой его завалило снегом, а когда с крыш забарабанила капель, он снова попался на глаза отцу.

В одно воскресное утро мы сидели на кухне и пили чай.

– Оль, скоро одуванчики зацветут, где твоя бабуся?! – прихлебывая, начал отец.

– Зацветут… – краешком губ улыбнулась мама. – Вчера видела Петровну, говорит, якобы Тамара умерла…

Тамара – это старуха, у которой мы купили дом.

– Вот и отл… – отец осекся. – Ну ты поняла…

Мама покачала головой и уставилась в окно:

– А может, пусть полежит еще?..

– Оль!..

– Ну что, Петь?

– Нет уже твоей бабки, вот что!

– Ой, всё! – махнула она рукой. – Делай ты, что хочешь! Надоело!

Отец, как человек военный, команду понял буквально и этим же вечером взялся за дело, заодно прихватив с собой и меня.

– Учись руками работать, сынок, – приговаривал отец, наяривая молотком. – В жизни все уметь надо!

На постройку нового забора у нас ушло примерно около недели. Мама уже больше не переживала и вечерами выходила помогать. И вот одним таким вечером, когда забор был практически готов, возле нашего дома остановилась машина.

– Петь, к тебе что ли?

– Да вроде нет…

Отец оказался прав. Вернее, не то чтобы прав, приехали не к нему, а к нам. Старуха и дочь. Мама так и ахнула. Старуха, перекатываясь с одной ноги на другую, подошла к забору и ухватилась руками за транспортер.

– Ну я же вас просила!.. – запричитала старуха.

– Год прошел, они проснулись?! – не оборачиваясь, пробурчал отец.

– Олечка, ну хоть ты ему скажи! – взмолилась старуха. – У меня инсульт…

– Петя, давай отдадим!

– Раньше надо было вошкаться!

– Петя!

– Нет, я сказал!

– Ну!.. – зашипела старуха – Ну!.. – А затем потрясла палкой и разразилась проклятиями: – Да чтобы этот транспортер у вас на кладбище оградой был, чтоб вам всем…

– И вам того же! – отрезал отец.

Старуха закатила глаза и, если бы не вовремя подоспевшая дочь, точно бы упала в обморок.

– Только не волнуйся, только не волнуйся! – лепетала дочка, злобно поглядывая на нас. – Так, давай-ка садись, ага… вот та-а-ак…

Она усадила ее в машину и резко рванула с места.

– Некрасиво, ох, некрасиво… – побледнела мама и быстренько ушла домой. А отец, сначала долго сопел, а потом выругался на меня и угостил увесистым подзатыльником.

Вечером я пошел за водой, а мама решила подышать свежим воздухом. Завидев маму, к нам присоединилась Петровна.

– Как-та зря вы так, – топталась на месте Петровна. – Тамара она такая, она сделать может. Давча видела Михалну, так та сказала: «Тамара это просто так не оставит». Она её знает.

– Петровна… – через силу улыбнулась мама, – мы в это не верим.

– Ой, сделат… – не унималась Петровна. – У меня картошка завсегда хуже ейной была, а все через женщину ту. Огороды у нас, ты глянь, – она сложила ладошки корабликом, – рядышком стоять, только у нее урожай, а у меня – медведка да хомяк.

Мама задумчиво глядела на Петровну и кивала головой.

– Надысь Михална рассказывала, был у ней платок. Хороший платок, теплый. Тамара увидала и спрашиват: «Гдей-та ты себе такой платок купила?» – тут Петровна замолчала.

– И?

– А то, что утром взяла платок, а он изрезан весь! Не веришь? Могу принесть!

– Кого?!

– Ну платок-та этот!

– Так он что, у вас?

– Ну да! Мне Михална его отдала, сначала хотела сжечь, да я не дала.

– И что же вы с ним сделали? – спросил я.

Петровна развела руками и спокойно ответила:

– Ничего не сделала, носю вот.

Я не сдержался и начал смеяться. Глядя на меня, мама немного ободрилась и, еще немного поговорив с Петровной, мы пошли домой.

На другой день часть, в которой служил отец, подняли по тревоге, и он, наспех собравшись, уехал. Причем, как только я узнал о тревоге, мной сразу овладело такое неприятное предчувствие, что все уроки я просидел словно в прострации и к концу учебного дня получил аж три двойки подряд.

Наконец отмаявшись в школе, я пришел домой. Мама молча сидела у выключенного телевизора с пультом в одной руке и телефоном в другой.

– Отец сегодня так и не позвонил… – взволнованно сказала она.

– А что за тревога вообще?

– Да вроде бы как всегда… Почему тогда не звонит? Никогда такого не было. – Мама вдруг так посмотрела на меня, что у меня аж мурашки пробежали по спине.

Почему-то сразу вспомнился случай, когда во время стрельб в нашей части взорвался миномет. Тогда погиб отец моей одноклассницы.

– Может, телефон сел или еще что?

Мама кивнула головой.

– Как школа?

– Нормально.

– Иди поешь. Суп на плите.

– Хорошо.

– И мяса положи! – крикнула мама вдогонку.

– Положу.

Но мяса мне совсем не хотелось, и, поболтав ложкой в тарелке, я вылил все в унитаз.

Когда в нашу дверь постучали, я делал домашнее задание. Сердце у меня тогда точно оборвалось, и я, затаив дыхание, притих. Я слышал, как мама, потеряв на ходу тапки, побежала к двери. Слышал, как долго не поддавался замок. Слышал, как звонко упали на пол ключи. Слышал ее взволнованный голос. А затем наступила тишина и мама вошла ко мне в комнату.

– Это к тебе, – с каким-то облегчением сказала она.

Я вышел на крыльцо, «кошкин домик», как мы его называли. Саня, дружок мой, к тому времени уже сидел там на дряхлом диване.

– Уроки сделал, двоечник?

– Ага… – усмехнулся я.

– Гоу на стадик!

– Ща. Ма! А можно я пойду погуляю?! – крикнул я.

– Уроки сделал?!

– Вечером доделаю, там чуть-чуть осталось!

– О, заливает, – расплылся в улыбке Саня.

Я стукнул его в плечо. Саня стукнул меня в ответ.

– Чтоб недолго, понял!

– Понял!

– Понял, – перекривлял меня Саня и сделал «саичку за испуг».

На стадионе мы встретили знакомых ребят и начали играть в догонялки. Причём в какой-то момент мне вдруг стало так весело, что от тревоги, мучившей весь день, не осталось и следа.

– Андрюха идет… – насупился Саня.

Андрюха – это его старший брат.

– Сто пудов скажет домой идти.

Отец ребят затеял стройку и, когда приходил с работы, активно прививал им любовь к труду.

– Вить! – крикнул мне Андрей. – Иди домой!

– С чего вдруг?

– Тебя мамка искала!

– А что случилось?!

– Говорю же, мамка искала!

Попрощавшись с Саней, я пошел домой.

Когда я начал спускаться с горки, то сначала увидел толпу возле нашего дома, а потом огромный пролом в стене и торчащую из него машину. Красный микроавтобус зацепился задними колесами за фундамент и в таком положении замер прямо в нашем зале. Взрослые, завидев меня, расступались и с каким-то наигранным сожалением кивали мне вслед. «Вон! Пошли все вон из моего дома!» – захотелось крикнуть изо всех сил, но это уже был не мой дом. В этом – разбитом, хозяйничали уже другие люди с молотками и монтировками. Я перепрыгнул разбитый в щепки штакетник, от сильного удара его раскидало по комнате, и зашел в зал.

Комната была завалена выбитыми бревнами с дранкой, а в шкафу стояли хрустальные бокалы, покрытые толстым слоем пыли.

– Витя, только не волнуйся, мама жива! – подбежала крестная.

Только сейчас я вспомнил о маме. Ее действительно не было дома. Я глянул на кресло, в котором она обычно сидела, и увидел труп незнакомого человека. Раскинув руки, он уткнулся окровавленной головой в мягкий пуфик. Крестная схватила меня и попыталась прижать к себе, но я оттолкнул ее.

– Где мама?.. – спросил я у крестной.

– Она в больнице. Витя, с ней все в порядке! Витя?..

Я выскочил на улицу. «Она врет мне, они все врут мне!».

– Где мама?! – закричал я.

И тут я увидел маму. Она выбежала из скорой помощи, растрепанная, в домашнем халате и тапочках. Я кинулся к ней навстречу.

– Я жива, сынок! – крепко обняла меня она. – Я жива…

Теперь мы жили в семье нашей крестной. Мне нравилось у них. Особенно нравились вечерние разговоры на кухне. Бывало, подожмешь, как курица, озябшие ноги и слушаешь разговоры взрослых.

– Ведь стоял же дом сколько лет, – удивлялась крестная. – И ничего!

– И ничего… – повторила мама и начала рассказывать про Тамару, транспортер и проклятие.

– Сделано! – заключила крестная. – А ведь я так и думала! Сколько дом у Тамары стоял? А стоило только вам купить – и все! – Тут она немного подумала и добавила: – А может, это вообще только цветочки…

От этих слов у меня мурашки побежали по спине, а мама резко сменила тему.

Пару раз, вспоминая слова крестной, мне становилось до того страшно, что я начинал просить Деда Мороза защитить нашу семью. Конечно же я знал, что подарки под елку кладут родители, а не Дед Мороз, но если есть зло, то должно же быть и добро. Но никакого другого «добра» кроме Деда Мороза я не знал.

Как-то раз мама сказала, что нужно сходить в церковь, но на этом все и закончилось. В церковь мы не пошли, слишком много было дел на выходных, и я так и продолжал дальше просить Деда Мороза о защите.

Прошло примерно два месяца, и дом был восстановлен. Теперь перед ним, как в фильме «Блокпост», выросли бетонные блоки. А сам домик мы выкрасили веселой бирюзовой краской.

– Ешшо лучче, чем было! – говорила Петровна.

– Не было бы счастья, да несчастье помогло, – отвечал отец.

Конечно, все это было благодаря помощи людей. В те два месяца, казалось, весь городок пришел в движение, и каждый стремился нам помочь.

Мы красили штакетник, когда у дома остановилась машина. Это была старуха, только теперь она была с дочерью и зятем.

– Оля, дочь… – заплакала старуха.

Мама так и задрожала.

– Оля, мы вот тут собрали, – она протянула конверт.

– Не надо, оставьте…

Все замолчали.

– Муж, чтобы сегодня оторвал транспортер и отдал его! – еле сдерживая слезы, сказала мама.

– Што ты, Оля, што ты?! Мне уж помирать скоро, прости ты дуру старую.

Она хотела приобнять ее, но мама в страхе отшатнулась в сторону.

– Не подходите ко мне! И как вам только не стыдно! Да мы чуть не погибли! – задыхалась мама.

Я никогда не видел ее такой.

– Уходите! И деньги свои заберите! А забора этого чтобы сегодня же не было!

Старуха потопталась на месте и, положив конверт на блок, села в машину.

– Я здесь ни при чем, – сказала напоследок старуха и уехала.

Только потом мы узнали, что после этого разговора старуху разбил новый удар и она умерла в больнице. До сих пор я не знаю, колдовала ли она тогда или нет.

А с тех пор прошло уже много времени. Мы продали дом и переехали в другой город. Мама начала ходить в церковь, и вот однажды в ее молитвослове я нашел листок бумаги. После имен бабушки и дедушки стояло имя Тамара.

– Та самая? – спросил я.

– Та самая… – ответила мама.